

491.7

ЧТЕНИЯ

0

6382

РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ,

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

изд. № 1982

Часть первая.	
491.7	7784
Г-81	

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ОТВЕРЕНО 1833 г.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 13
Марта 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ

КНЯЗЮ

Михаилу Александровичу

ДОНДУКОВУ - КОРСАКОВУ,

приношеніе высокопочтенія и благодарности
АВТОРА.

По приглашенію и по просьбѣ почтенныхъ любителей Русской Словесности, предпринялъ я, въ продолженіе истекшей зимы, *Чтенія о Русскомъ Языкѣ*. Нѣкоторые изъ моихъ слушателей, пропустивъ по обстоятельствамъ нѣсколько бесѣдъ, изъявили желаніе прочесть недослышанное. Съ удовольствіемъ исполняю это требованіе изда-ніемъ въ свѣтъ моихъ Чтеній совершенно въ томъ видѣ, какъ они были произнесены, и пользуюсь симъ случаемъ для нѣкоторыхъ объясненій.

Признаюсь откровенно, что успѣхъ моихъ Чтеній далеко превзошелъ мои надежды и ожиданія. Я полагалъ, что буду имѣть человѣкъ пятьдесятъ слушателей, которыхъ число уменьшится мало по малу, и растаетъ въ мартѣ съ зимнимъ снѣгомъ. Вышло напротивъ: желающихъ пользоваться моими Чтеніями оказалось гораздо болѣе, и число ихъ непрерывно возрастало. Предѣль- нымъ положило пространство залы. Въ числѣ слу-

шателей моихъ имѣлъ я счастье видѣть и первыхъ сановниковъ государственныхъ, и знаменитыхъ ученыхъ, и славныхъ литераторовъ, и скромныхъ любителей словесности, и умныхъ, просвѣщенныхъ женщинъ. Многіе посѣтители не пропустили ни одной бесѣды, съ первой до послѣдней, и между ими такіе, у которыхъ мнѣ, а не имъ у меня, надлежало бы учиться. Я не приписываю этого успѣха самому себѣ, а вѣжу въ немъ только свидѣтельство, что предметъ, мною избранный, былъ по вкусу и требованію просвѣщенной публики, и что напрасно обвиняютъ нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ въ равнодушіи къ Русской Словесности. Счастливымъ себя считаю, что способствовалъ къ оправданію ихъ, и открылъ новый путь для распространенія полезныхъ знаній, которымъ пойдутъ люди, болѣе меня достойные и способные въ этомъ дѣлѣ.

Ободренный и ошастливленный такимъ лестнымъ вниманіемъ, я счелъ обязанностию прислушиваться къ желаніямъ и требованіямъ моей аудиторіи, и исполнять ихъ по возможности. Если бы я преподавалъ какую либо отдѣльную науку, по предварительной программѣ, то былъ бы обязанъ слѣдовать предположенному плану во всей строгости, но здѣсь, изъ множества предметовъ,

входящихъ въ кругъ словесности, могъ я выбирать то, чего, какъ мнѣ казалось, требовали мои слушатели. Первые три Чтенія, въ которыхъ излагались общія свойства и исторія Русскаго Языка, приняты были съ единогласнымъ одобреніемъ. Но при четвертомъ, которое посвящено было исключительно изложенію механическаго состава языка, свойства буквъ и соединенія ихъ въ слоги и слова, возникло разногласіе. Одна часть слушателей одобряла этотъ выборъ, и хотѣла видѣть продолженіе. Другая, болѣе большая числомъ, требовала чего нибудь позанимательнѣе, чего нибудь похожаго на первые три Чтенія. Желая согласить различныя мнѣнія, и удовлетворить требованіямъ обѣихъ сторонъ, я, съ пятаго Чтенія, началъ раздѣлять свои уроки на двѣ части: въ первой говорилъ о грамматическихъ качествахъ языка; въ послѣдней излагалъ свойства и исторію какой либо особой отрасли нашей литературы. Это раздѣленіе было одобрено слушателями, но оно нанесло чувствительный и неизбѣжный вредъ полнотѣ и единству моихъ Чтеній. Я не могъ уже излагать законовъ грамматическихъ со всѣми доводами и выводами, и ограниченный половиною времени, назначеннаго въ началѣ, долженъ былъ довольствоваться исчисленіемъ однихъ результа-

товъ и правилъ, не сопровождая ихъ надлежащими поясненіями и приложеніями. По этой причинѣ, не могъ я пройти всей Грамматики, и заключилъ курсъ свой Синтаксисомъ. Часть собственно литературная также не могла быть развита въ надлежащей полнотѣ и подробности: нѣкоторые отдѣлы ея изложены слегка, другіе и вовсе пропущены.

Вотъ исторія составленія моихъ Чтеній, и показаніе главнѣйшихъ причинъ ихъ несовершенства и недостаточности. Нѣкоторые почтенные слушатели были недовольны тѣмъ, что я читалъ мои Чтенія: имъ было бы пріятнѣе слушать свободное, неприготовленное изложеніе. И мнѣ это было бы легче и привольнѣе, было бы блистательнѣе и дѣйствительнѣе, но важная причина удерживала меня отъ произнесенія рѣчей ненаписанныхъ. Нѣкоторыя особы, крѣпкія на ухо и легкія на догадки, изволили толковать мои слова по-своему, благоволили приписывать мнѣ отзывы и мнѣнія, которыя никогда не были произнесены мною. Читая по тетрадкѣ, я могъ оправдываться, и нѣсколько разъ былъ къ тому принуждаемъ, но какъ было бы мнѣ возможно открыть и доказать истину, если бъ я говорилъ наизусть, безъ приготовленія, не по писанному?

Въ заключеніе долгомъ поставляю засвидѣтельствовать искреннее мое благодареніе особамъ, удостоившимъ мои Чтенія своимъ ободрительнымъ присутствіемъ, и особенно тѣмъ благороднымъ ревнителямъ Русской Словесности, которые способствовали мнѣ въ осуществленіи моего предпріятія. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія первый почтилъ мое предпріятіе благосклоннымъ одобреніемъ: поощрялъ меня къ продолженію и какъ мужъ государственный, рачитель образованія общественнаго, и какъ ученый и литераторъ, ревнующій къ успѣхамъ отечественной словесности. Г. Попечитель Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, съ невыразимымъ и неоцѣненнымъ для меня участіемъ, споспѣшествовалъ къ исполненію моего намѣренія. Первые шесть Чтеній происходили, по благосклонному распоряженію Его Сіятельства, въ залѣ Второй Санктпетербургской Гимназіи. Открывшаяся въ половинѣ января въ сей гимназіи заразительная болѣзнь, заставила прекратить въ ней стеченіе многочисленной публики. Я обратился съ просьбою объ отведеніи мнѣ мѣста, для продолженія моихъ Чтеній, въ Императорское Вольное Экономическое Общество. Почтенный Президентъ онаго и всѣ Гг. Члены,

съ благороднымъ радушіемъ, открыли мнѣ свою
великолѣпную залу.

Такое общее, единодушное споспѣшествованіе
моимъ трудамъ возложило на меня обязанность
соотвѣтствовать ему искреннимъ усердіемъ въ
исполненіи обязанности, добровольно мною на
себя возложенной, и вотъ одно, чѣмъ я, по совѣ-
сти, могу похвалиться.

Николай Брик

С. Петербургъ,

30 Марта 1840.

ЧТЕНІЯ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

(1-го Декабря.)

Милостивые Государи!

Насъ собрала здѣсь страсть, общая всѣмъ дѣтямъ неизмѣримой Россіи: любовь къ прекрасному, родному, милому намъ Русскому Языку. Довѣряя опытности, пріобрѣтенной мною въ занятіи симъ важнымъ дѣломъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, вы пожаловали на бесѣду со мною о томъ, что занимаетъ всякаго мыслящаго человѣка, еще болѣе любителя словесности, что не чуждо изысканіямъ и умозрѣніямъ философа. Постараюсь соотвѣтствовать лестнымъ для меня ожида-

ніямъ вашимъ, и если не вполне достигну своей цѣли, то утѣшусь мыслию, что стремился къ ней усердно и добросовѣстно. Счастливъ буду, если бесѣдами моими успѣю обратить вниманіе ваше на дальнѣйшее, подробнѣйшее изслѣдованіе предмета нашего разсмотрѣнія съ новой стороны. Не могу льститься надеждою, что совершенно исполню свое предположеніе, не надѣюсь достигнуть этого и вполнину: доволенъ буду, если вы дадите мнѣ свидѣтельство, что я счастливо обработалъ и изложилъ двадцатую долю. Пусть девятнадцать чело-вѣкъ, одушевленныхъ равнымъ моему рвеніемъ, посвятятъ свои труды и время остальнымъ до-лямъ: возникнетъ зданіе, которое возвѣститъ по-томкамъ нашимъ, что мы понимали всю важность своего призванія.

Самое присутствіе ваше на сихъ бесѣдахъ сви-дѣтельствуетъ уже, что вы видите и цѣните всю важность предмета нашихъ изслѣдованій, языка отечественнаго. Не думаю, чтобъ нашлись люди, которые почли бы изученіе и изслѣдованіе языка дѣломъ неважнымъ или занятіемъ дѣтскимъ, не-достойнымъ человека, возмужалаго лѣтами и обра-зованностію. Впрочемъ мнѣнія различны: нѣкото-рые полагаютъ, что языкоученіе, именно грам-матика, есть предметъ занятій дѣтскаго возраста, и не можетъ съ пользою занимать никого, кромѣ учащихся въ школахъ и ихъ учителей. Это не-основательно. Важнѣйшіе предметы человѣческихъ познаній, труднѣйшіе вопросы жизни и науки

предлагаются намъ во младенчествѣ. На первой страницѣ Руководства къ Арифметикѣ для приходскихъ училищъ, находимъ толкованіе нуля, а онъ не былъ извѣстенъ ни Архимеду, ни Эвклиду. Первый вопросъ Сокращеннаго Катихизиса: что есть Богъ? составляетъ предметъ изысканій человечества съ самаго его рожденія, и никогда самимъ человечествомъ, безъ пособія свыше, рѣшенъ не будетъ. То же находимъ и въ отношеніи къ языку. Не предметъ нашихъ ученій и изслѣдованій измѣняется по мѣрѣ возрастанія лѣтъ нашихъ и укрѣпленія умственныхъ силъ, а способъ нашего воззрѣнія на этотъ предметъ. Вообще можно принять три степени воззрѣнія на предметы, подлежащія нашему наблюденію и изученію *. Первая степень есть *наглядность*, взглядъ на предметъ съ внѣшней его стороны, познаніе просто чувственное, безотчетное, инстинктивное. На этой степени вѣримъ мы на слово и чувствамъ своимъ, и преданію отцевъ. Вторая степень есть *стройность*, порядокъ, послѣдовательность въ нашемъ ученіи. На этой степени стоитъ преподаваніе въ училищахъ среднихъ, предуготовительныхъ къ вышнимъ: обозначены предѣлы предмета, показано происхожденіе, изложены главныя качества; части его приведены въ стройный, согласный между собою порядокъ, объяснены и устранены обманы чувствъ; повѣрены и очищены преданія старины. Этого довольно для практической

* Окень.

нашей жизни, для вседневнаго обихода. Но наука тѣмъ не довольствуется: она силится проникнуть въ сокровенныя, таинственныя храмины и горнила природы; возносится на крыліяхъ умозрѣнія въ высшія полости вѣдѣнія, ищетъ причины вещей, доискивается невидимой между ими связи, и совокупляетъ мірозданіе одною общою, вседержащею, всеоживляющею мыслію. — Это третья степень — *умозрительная*, или философская. Младенчествующій человѣкъ съ безотчетнымъ равнодушіемъ смотритъ на небо, усыянное звѣздами, отличаетъ нѣкоторые изъ нихъ, устрашается другихъ, приписываетъ имъ чудесную силу и баснословное вліяніе на дѣла земныя; заставляетъ, въ дѣтскихъ мечтаніяхъ своихъ, свѣтила, блестящія на тверди небесной въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, заботиться о минутныхъ нуждахъ и страданіяхъ его скоролетной жизни. — На второй степени познанія, человѣкъ знакомится съ устройствомъ вселенной: видитъ предѣлы солнечной системы, слѣдитъ за движеніемъ планетъ и ихъ спутниковъ, узнаетъ кометы, считаетъ звѣзды неподвижныя, и сбрасываетъ съ себя вериги предразсудковъ и боязней близорукой наглядности. Жажда любознательнаго ума его тѣмъ не утоляется: онъ стремится въ глубину творенія, изыскиваетъ законы рожденія и существованія тѣлъ небесныхъ, взвѣшиваетъ то, что едва доступно глазу нашему, измѣряетъ теченіе лучей тѣхъ солнцевъ, которыя, можетъ быть, потухли уже задолго до начатія его наблюденій, и тамъ, гдѣ оставляетъ

его путеводная нить созерцанія, опыта и исчисленія, дополняетъ, довершаетъ свою науку умозрѣніемъ, мыслию, которой, какъ и душѣ его, нѣтъ конца и предѣла.

Такимъ образомъ и изученіе, изслѣдованіе языка, этого воплощенія нашей мысли, можетъ быть различно по степени разумѣнія и потребности занимающихся имъ. Человѣкъ необразованный употребляетъ языкъ по навыку и преданію: онъ говоритъ правильно, точно такъ, какъ при движеніи наблюдаетъ центръ тяжести своего тѣла, и самъ того не зная. Человѣкъ образованный говоритъ и пишетъ по указаніямъ науки. Испытатель языка проникаетъ въ его сущность, въ его начала, изыскиваетъ его происхожденіе, причины его возрастанія, процвѣтанія и упадка, и ставитъ языкоученіе въ рядъ съ изслѣдованіемъ другихъ важныхъ предметовъ, обращающихъ на себя испытующій взоръ мыслителя и философа.

Мы займемся языкомъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи: постараемся разсмотрѣть его необходимость и важность, его происхожденіе и образованіе вообще; потомъ обратимся къ изслѣдованію языка отечественнаго, и изложивъ его свойства по общимъ началамъ, пройдемъ его исторію съ самаго его рожденія донынѣ, а вслѣдъ затѣмъ представимъ главнѣйшія его свойства. Начиная съ взглядовъ общихъ, теоретическихъ, будемъ обращать вниманіе и на практическую его сторону. Изъ главныхъ, основныхъ началъ будемъ выводить частныя правила. — Постараюсь изложить

все это, по крайнему моему разумѣнію, какъ можно яснѣе и удобопонятнѣе. Къ сожалѣнію, тѣсныя предѣлы моихъ чтеній, ограничивающихся пятнадцатую, не позволяютъ входить въ подробности, и обязываютъ довольствоваться одними главными чертами.

Началомъ изложенія какого либо предмета науки, искусства и т. п. бываютъ обыкновенно доказательства его важности и пользы. Имѣемъ ли мы въ томъ надобность? Обязаны ли мы доказывать, какъ важенъ, дорогъ, необходимъ для человѣка даръ слова? Что былъ бы человѣкъ безъ этого небеснаго дара? — Вседневная привычка и недостатокъ размышленія производятъ въ насъ равнодушіе къ самымъ великимъ и чудеснымъ вещамъ. Мы дивимся красивому фейерверку, и безъ вниманія смотримъ на свѣтила небесныя. Насъ занимаетъ безмысленное пѣніе чижики, а слово человѣческое оставляетъ равнодушными. — Что для насъ всего дороже въ жизни? Что служить намъ залогомъ продолженія ея и въ будущемъ мірѣ? Наша душа, наша мысль, наше познаніе самихъ себя и Создателя нашего. Долгое время толковали и спорили философы о томъ, что въ семъ мірѣ наиболее проявляетъ величіе, всемогущество и благодѣтельность Творца, и наконецъ сознались, что нѣтъ ничего выше мысли человѣческой. Солнце вещественное, средоточіе и живительная сила нашей системы, извлекло во-

шебною силою своею изъ толщи земли нашей и золото и алмазы; произвело на ея поверхности и цвѣты разнообразныя, благоуханныя, и райскую птичку, и могучаго орла; создало, въ соотвѣтствіе себѣ, и глазъ нашъ, которымъ можно созерцать его величіе. Другое же солнце, невидимое вѣщественному глазу нашему, солнце духовное, средоточіе міра безплотнаго, зажгло въ избранномъ существѣ земнородномъ, въ человѣкѣ, другую искру, отверзло въ немъ иное око, око умственного созерцанія, проникающее въ вѣчность, познающее невидимаго своего Создателя и безсмертіе лучшей части своего существа*. Но какъ могъ этотъ незримый лучъ небесной благодати сдѣлаться видимымъ чувственному человѣку, какъ могъ проникнуть сквозь тѣлнную, тѣлесную оболочку, въ сокровенную хramину его души, и возжечь тамъ лампаду святаго вѣдѣнія? Онъ достигъ этого, облекшись въ звуки, имѣющіе отголосокъ въ нашемъ организмѣ. И эта оболочка, это проявленіе мысли, святѣйшаго достоянія нашего въ семъ мірѣ, это звено, связующее насъ съ существами безплотными, — есть слово! — Что были бы люди, если бъ не имѣли языка? Жили бы одинокіе или безмолвными стадами, подобно звѣрямъ, не имѣя даже искусственныхъ побужденій бобра и муравья! Не было бы общества гражданскаго, самаго важнаго изъ учрежде-

* Des mystères de la vie humaine, par le comte de Montlosier. Paris. 1829.

ній человѣческихъ; не было бы и богопознанія. Только чувственныя, тѣлесныя, скотскія нужды заставляли бы дѣйствовать людей; страхъ и вожделѣніе были бы единственными правилами ихъ поступковъ. Въмѣсто занятій поэзіею, музыкою, философіею, въ темной душѣ человѣка носились бы безобразныя фантазіи и мечтанія, выражаясь дикимъ воплемъ ужаса или визгомъ чувственного удовольствія. Съ рожденіемъ языка, падаетъ преграда духовнаго міра; человѣкъ вступаетъ въ права любимаго сына Высшей Силы на Земномъ Шарѣ, хранимаго ею въ здѣшней жизни, и принимаемаго ею на лоно безсмертія въ иномъ, лучшемъ мірѣ.

Языкъ имѣетъ для человѣка еще одну сторону, важную и драгоцѣнную: онъ есть признакъ, отличіе, выраженіе національности. Языкомъ отличаются великія семейства людей, именуемые народами; онъ составляетъ невидимую, но крѣпкую цѣпь любви къ отечеству. Звуки, слышанные нами въ колыбели изъ устъ милой матери, навѣкъ приковываютъ насъ къ жизни семейственной; языкъ, которымъ выражались въ юности нашей первыя движенія жизни и любви, которымъ внушены намъ святыя истины религіи и великіе законы природы и науки, которымъ говорило съ нами отечество въ дни бѣдствій и славы, становится для насъ священнымъ и драгоцѣннымъ, одними уже звуками своими возбуждая въ душѣ понятіе о томъ, что всего выше для насъ въ мірѣ — о Богъ и Отечество!

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Первое Чтеніе.

Свойство излагаемаго предмета. Разные способы воззрѣнія. Цѣль предполагаемыхъ Чтеній. Важность языка для человека. Происхожденіе языка. Организмъ слова. Законъ полноты. Начало языка. Первоначальныя буквы. Звукоподражаніе. Первая часть рѣчи. Размноженіе словъ. Образованіе нарѣчій. Органическое и искусственное составленіе словъ. Поэзія языка. Начало грамоты. Недостаточность письменъ. Литература. — Сродство языковъ. Древнѣйшіе языки Азіи и Европы. Отраженіе народнаго характера въ языкъ. Отличительныя черты языковъ Европы. Свойства и достоинства Языка Русскаго. Заключеніе.....

1.

Второе Чтеніе.

Исторія Русскаго Языка. Происхожденіе языковъ Европы. Индо-европейское древо. Славянская отрасль. Размноженіе языковъ славянскихъ. Основаніе Россійской Державы. Вліяніе Скандинавіи и Греціи. Элементы русской жизни и быта. Славянская азбука. Языки Русскій и Церковно-Славянскій. Раздробленіе Россіи. Татарское иго. Вліяніе Запада. Исканіе Русскаго Языка. Вѣкъ Петра Великаго. Кантемиръ. Тредьяковскій.....

61.

Третье Чтеніе.

Появленіе Ломопосова. Поэзія его. Языкъ. Грамматика. Грамматика Шлецера. Вступленіе на престолъ Екатерины II. Россійская

Академія. Оживленіе Русской Литературы. Московскіе профессоры. Вліяніе латыни. Карамзинъ. Сравненіе его съ предшественниками. Дѣйствіе слога Карамзина. Сентиментальность. Шишковъ. Движеніе литературы въ началѣ XIX вѣка. Жуковскій. Слогъ дѣловой. Сперанскій. Дашковъ. Манифесты Шишкова. Новые успѣхи языка. Пушкинъ. Вредныя новизны. Слогъ вычурный и ложно-философскій. Дальнѣйшія судьбы языка..... 103.

Четвертое Чтеніе.

Различіе языковъ славянскихъ. Начало исторіи Русскаго Языка. Слова, составляющія Русскій Языкъ. Строеніе Русскаго Языка. Дѣло грамматики. Исторія грамматики. Грамматика Ломоносова. Новые дѣлатели. Буквы. Гласныя и полугласныя. Согласныя. Сліяніе согласныхъ буквъ. Слоги. Дѣленіе буквъ для составленія слога. Сочетаніе буквъ. Измѣненіе буквъ. Слова. Число слоговъ. Ударенія. Корни словъ, главные и придаточные, предъидущіе и послѣдующіе. Первообразныя и производныя слова. Части и частицы рѣчи. Примѣръ разложенія словъ. Важность грамматики..... 167.

Пятое Чтеніе.

I.

Знаменательныя и вспомогательныя слова. Имя существительное. Образованіе имени. Родъ, число, падежъ. Склоненіе. Уклоненія отъ главныхъ правилъ. Частныя замѣчанія..... 213.

II.

Рожденіе поэзіи. Пѣсни народныя. Характеръ ихъ. Пѣсни клефтовъ. Русскія народныя пѣсни. Время сочиненія ихъ. Раздѣленіе по

мѣсту сочиненія. Размѣръ. Языкѣ. Сочинители. Внутреннее ихъ достоинство. Свѣтскія пѣсни. Пѣсни Барона Дельвига и Цыганова. Пѣсни разбойничьи, сатирическія..... 229.

Шестое Чтеніе.

I.

Опредѣлительныя слова имени существительнаго. Качественныя слова. Имена прилагательныя: качественныя, притяжательныя, личные и родовыя. Согласованіе. Усѣченіе. Степени качествъ. Образование прилагательныхъ. Имена числительныя. Мѣстоименія. Склоненіе именъ качественныхъ..... 251.

II.

Начало русской лирической поэзіи. Оды Ломоносова. Сумароковъ. Петровъ. Державинъ. Пушкинъ..... 264.

Седьмое Чтеніе.

I.

Глаголъ. Постепенное усовершеніе его теоріи. Значительность глаголовъ. Глаголы самостоятельныя, и совокупныя. Времена. Дѣленіе глаголовъ. Простые и предложныя глаголы. Виды: неопредѣленной и опредѣленный, однократный и многократный, несовершенный и совершенный. Лице, число и родъ. Залоги... 280.

II.

Легкія стихотворенія. Пѣсни Дмитріева, Державина, Пушкина. Элегіи Жуковского. Переводы его. Стихотворенія Батюшкова. Нынѣшніе поэты. Переводы изъ Антологіи. Эпиграммы и надписи. Кн. Вяземскій. Мнимая бѣдность нашей литературы..... 304.

